

Сельма Лагерлеф

Красношейка

Случилось это в первые дни творения, когда Бог создавал небо и землю, растения и животных и всем им давал имена.

Если бы мы больше знали о том времени, то лучше бы понимали Божий промысел и многое из того, чего теперь не можем понять...

Итак, однажды Господь Бог сидел в раю и раскрашивал птиц. Когда подошла очередь щегленка, краски закончились, и мог он остаться совсем бесцветной птичкой. Но кисти еще не высохли. Тогда Господь взял все свои кисти и вытер их о перья щегленка. Вот почему щегленок такой пестрый!

Тогда же и осел получил свои длинные уши - за то, что никак не мог запомнить своего имени. Он забывал его, как только делал несколько шагов по райским лугам, и три раза возвращался и переспрашивал, как его зовут. Наконец Господь Бог, потеряв терпенье, взял его за уши и несколько раз повторил:

- Осел твое имя. Запомни: осел, осел!

И, говоря это, Бог слегка тянул и тянул осла за уши, чтобы тот лучше расслышал и запомнил свое имя.

В тот же день была наказана и пчела. Как только Бог создал пчелу, она сразу полетела собирать нектар. Животные и первые люди, услышав сладкий запах меда, решили его попробовать. Но пчела ни с кем не хотела делиться и стала отгонять всех от своего улья, пуская в ход ядовитое жало. Господь Бог увидел это, позвал к себе пчелу и сказал ей так:

- Ты получила от меня редкий дар: собирать мед - самую сладкую вещь на свете. Но я не давал тебе права быть такой жадной и злой к своим ближним. Запомни же! Отныне, как только ты ужалишь кого-нибудь, кто захочет отведать твоего меда, ты умрешь!

Много чудес произошло в тот день по воле великого и милосердного Господа Бога. А перед самым закатом Господь создал маленькую серую птичку.

- Помни, что твое имя красношейка! - сказал Господь птичке, сажая ее на ладонь и отпуская.

Птичка полетала кругом, полюбовалась прекрасной землей, на которой ей суждено было жить, и ей захотелось взглянуть и на себя. Тогда она увидела, что вся она серенькая и что шейка у нее тоже серая. Красношейка вертелась во все стороны и все смотрела на свое отражение в воде, но не могла найти у себя ни одного красного перышка.

Птичка полетела обратно к Господу.

Господь сидел, милостивый и кроткий. Из рук его вылетали бабочки и порхали вокруг его головы. Голуби ворковали у него на плечах, а у ног его распускались розы, лилии и маргаритки.

У маленькой птички сильно билось от страха сердечко, но, описывая в воздухе легкие круги, она все-таки подлетала все ближе и ближе к Господу и наконец опустилась на его руку.

Тогда Господь спросил, зачем она вернулась.

- Я только хотела спросить у тебя об одной вещи, - отвечала птичка.

- Что же ты хочешь знать? - сказал Господь.

- Почему я должна называться красношейкой, когда я вся серая от клюва и до кончика хвоста? Почему мое имя красношейка, когда у меня нет ни одного красного перышка?

Птичка умоляюще взглянула на Господа своими черными глазками и затем повернула головку. Она увидела вокруг себя огненных, с золотистым отблеском фазанов, попугаев с пышными красными ожерельями, петухов с красными гребешками, не говоря уже о пестрых бабочках, золотых рыбках и алых розах. И она подумала, что ей хватило бы одной красной капельки на шейку, чтоб она сделалась красивой птичкой и по праву носила свое имя.

- Почему я называюсь красношейкой, если я вся серая? - снова спросила она, ожидая, что Господь ей скажет: "Ах, дорогая! Я забыл окрасить перышки на твоей шейке в красный цвет. Подожди минутку, сейчас я все исправлю".

Но Господь только тихо улыбнулся и сказал:

- Я назвал тебя красношейкой, и ты всегда будешь носить это имя. Но ты сама должна заслужить красные перышки на своей шейке.

И Господь поднял руку и снова пустил птичку летать по белому свету.

Красношейка полетела по раю, глубоко задумавшись. Что может сделать такая маленькая птичка, как она, чтобы добыть себе красные перышки?

И придумала только одно: свить себе гнездо в кусте шиповника. Она поселилась среди шипов, в самой середине куста. Она, казалось, надеялась, что когда-нибудь лепесток цветка пристанет к ее горлышку и передаст ему свой цвет.

Бесконечное множество лет протекло с того дня, который был самым счастливым днем вселенной.

Давно животные и люди покинули рай и разошлись по всей земле. Люди научились возделывать землю и плавать по морям, построили величественные храмы и такие огромные города, как Фивы, Рим, Иерусалим.

И вот наступил день, которому тоже суждено было на вечные времена оставить о себе память в истории человечества. Утром этого дня красношейка сидела на невысоком холмике за стенами Иерусалима в своем гнездышке, спрятанном в самой середине куста диких роз.

Она рассказывала своим детям о чудесном дне творения и о том, как Господь давал всем имена. Эту историю рассказывала своим птенцам каждая красношейка, начиная с самой первой, которая слышала слово Божие и вылетела из его руки.

- И вот видите, - печально закончила красношейка, - сколько прошло лет с того дня, сколько распустилось роз, сколько птенчиков вылетело из гнезда, а красношейка так и осталась маленькой, серенькой птичкой. Все еще не удалось ей заслужить себе красные перышки.

Малютки широко раскрыли свои клювы и спросили: неужели их предки не старались совершить какой-нибудь подвиг, чтобы добыть эти бесценные красные перышки?

- Мы все делали, что могли, - сказала мать, - и все терпели неудачу. Самая первая красношейка, встретив другую птичку, свою пару, полюбила так сильно, что ощутила огонь в груди. "Ах, - подумала она, - теперь я понимаю: Господу угодно, чтобы мы любили друг друга горячо-горячо, и тогда пламя любви, живущей в нашем сердце, окрасит наши перья в красный цвет". Но она осталась без красных перышек, как и все другие после нее, как останетесь без них и вы.

Птенчики грустно защebetали, они начали уже горевать, что красным перышкам не суждено украсить их шейки и пушистые грудки.

- Мы надеялись и на то, что наше пение окрасит красным наши перышки, - продолжала мать-красношейка. - Уже самая первая красношейка пела так чудесно, что грудь у нее трепетала от вдохновения и восторга, и в ней опять родилась надежда. "Ах, - думала она, - огонь и пылкость моей души - вот что окрасит в красный цвет мою грудь и шейку". Но она снова ошиблась, как и все другие после нее, как суждено ошибаться и вам.

Снова послышался печальный писк огорченных птенцов.

- Мы надеялись также на наше мужество и храбрость, - продолжала птичка. - Уже самая первая красношейка храбро сражалась с другими птицами, и грудь ее пламенела воинской отвагой. "Ах, - думала она, - мои перышки окрасят в красный цвет жар битвы и жажда победы, пламенеющая в моем сердце". Но ее опять постигло разочарование, как и всех других после нее, как будете разочарованы и вы.

Птенчики отважно пищали, что они тоже попытаются заслужить красные перышки, но мать с грустью отвечала им, что это невозможно. На что им надеяться, если все их замечательные предки не достигли цели? Что они могут, когда...

Птичка остановилась на полуслове, потому что из ворот Иерусалима вышла многолюдная процессия, направлявшаяся к холму, где в гуще шиповника пряталось гнездышко красношейки.

Тут были всадники на гордых конях, воины с длинными копьями, палачи с гвоздями и молотками; тут важно шествовали священники и судьи, шли горько плачущие женщины и множество отвратительно завывавших уличных бродяг.

Маленькая серая птичка сидела, дрожа всем телом, на краю своего гнезда. Она боялась, что толпа растопчет куст шиповника и уничтожит ее птенчиков.

- Берегитесь, - говорила она беззащитным малюткам. - Прижмитесь друг к другу и молчите! Вот прямо на нас идет лошадь! Вот приближается воин в подбитых железом сандалиях! Вот вся эта дикая толпа несется на нас!

И вдруг птичка умолкла и притихла. Она словно забыла об опасности, которая угрожала ей и ее птенцам.

Внезапно она слетела к ним в гнездо и прикрыла птенцов своими крыльями.

- Нет, это слишком ужасно, - сказала она. - Я не хочу, чтобы вы это видели. Они будут распинать трех разбойников.

И она шире распахнула крылья, загораживая своих птенцов. Но до них все же доносились гулкие удары молотков, жалобные вопли казнимых и дикие крики толпы.

Красношейка следила за всем происходившим, и глазки ее расширились от ужаса. Она не могла оторвать взгляда от трех несчастных.

- До чего жестоки люди! - сказала птичка своим детям. - Мало того, что они пригвоздили этих страдальцев к кресту. Одному из них они надели на голову венец из колючего терновника. Я вижу, что терновые иглы изранили ему лоб и по лицу его течет кровь. А между тем этот человек так прекрасен, взор его так кроток, что его нельзя не любить. Точно стрела пронзает мне сердце, когда я смотрю на его мучения.

И жалость к распятому все сильнее заполняла сердце красношейки. "Была бы я орлом, - думала она, - я вырвала бы гвозди из рук этого страдальца и своими крепкими когтями отогнала бы прочь его мучителей".

Красношейка видела кровь на лице распятого и не могла больше усидеть в своем гнезде.

"Хотя я и мала, и силы мои ничтожны, я должна что-нибудь сделать для этого несчастного", - подумала Красношейка. И она выпорхнула из гнезда и взлетела вверх, описывая в воздухе широкие круги над головой распятого.

Она кружилась некоторое время над ним, не решаясь подлететь ближе, - ведь она была робкая маленькая птичка, никогда не приближавшаяся к человеку. Но мало-помалу она набралась храбрости, подлетела прямо к страдальцу и вырвала клювом один из шипов, вонзившихся в его чело.

В это мгновение на ее шейку упала капля крови распятого. Она быстро растеклась и окрасила собой все нежные перышки на шейке и грудке птички.

Распятый открыл глаза и шепнул красношейке: "В награду за твое милосердие ты получила то, о чем мечтал весь твой род с самого дня творения мира".

Как только птичка вернулась в свое гнездо, птенчики закричали:

- Мама! У тебя шейка красная и перышки на твоей груди краснее розы!

- Это только капля крови с чела бедного страдальца, - сказала птичка. - Она исчезнет, как только я выкупаюсь в ручье.

Но сколько ни купалась птичка, красный цвет не исчезал с ее шейки, а когда ее птенчики выросли, красный, как кровь, цвет засверкал и на их перышках, как сверкает он и поныне на горлышке и грудке всякой красношейки.